

Пресвятая Богородица, спаси нас!

КОСТИНО, Богородское тожд

Газета Богородицерождественского храма г. Королёва

Храм создан в 1689 г. Разрушен в 1954 г. Возрожден в 2005 г.

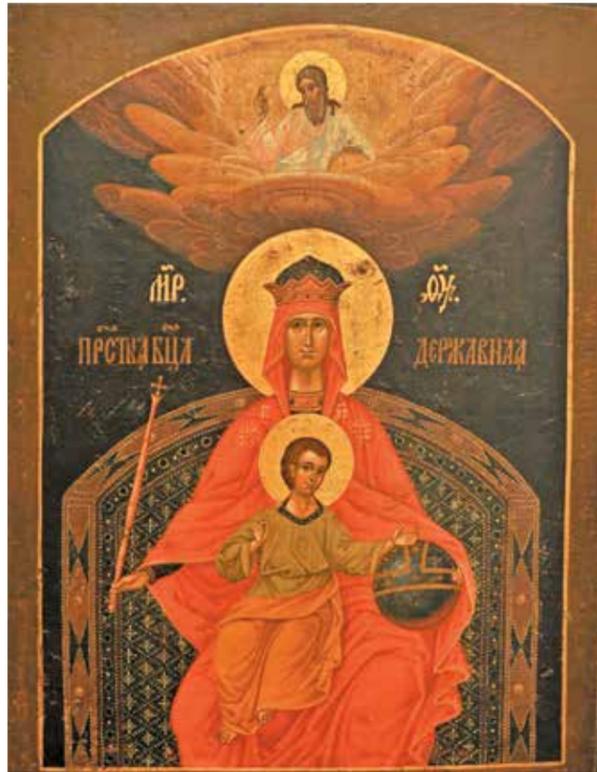

№3 (101), март 2017 г.

ИКОНА БОЖИЕЙ МАТЕРИ «ДЕРЖАВНАЯ»

15 марта 2017 года, в среду третьей седмицы Великого поста, день 100-летия обретения иконы Божией Матери «Державная», Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл совершил Литургию Преждеосвященных Даров в храме Казанской иконы Божией Матери в Коломенском г. Москвы. По завершении Литургии Предстоятель обратился к верующим с Первосвятительским словом*.

В день отречения государя императора явилась икона «Державная», и это событие здесь, в Коломенском, в самом центре России, было всеми воспринято как явление Божественной воли. Ушёл видимый царь, и на престол Российский взошла Царица Небесная. Произошедшее вызвало огромный энтузиазм в народе. Проходивший тогда в Москве Поместный Собор воспринял это явление как чудо. Вскоре был составлен акафист Державной иконе Божией Матери — в его создании участвовали профессора богословия, светила тогдашней богословской науки. Но те, кто произвёл в стране кровавый переворот, восприняли явление Державного образа как нечто для них опасное, и вскоре творцы акафиста, те, кто призывал почитать явление Державной Божией Матери, были уничтожены. Делалось это сознательно, чтобы и следа не осталось от этого события. Достаточно было упомянуть явление Державной иконы Божией Матери, чтобы человек был умерщвлён.

Образ иконы Божией Матери «Державная» явленный в селе Коломенское

Сегодня мы подводим итог тяжелейшему столетию. При всех достижениях нашего народа в науке, искусстве и иных областях никогда из

нашей памяти не уйдёт эта национальная трагедия. Но хранить в памяти недостаточно — нужно делать выводы. Всё, что произошло с нами 100 лет назад и продолжалось на протяжении большей части века, являет нам величайший пример силы Божественного Промысла. Господь из камней сих может соделать детей Аврааму (см. Мф. 3:9). Он может чудесным образом изменить жизнь людей и целой страны. Но очень важно, чтобы перемены в нашей личной жизни и жизни общественной никогда не сопровождались той неправдой, той злобой, которая затворяет врата для Божественной благодати. Бог отступает и предаёт нас в наши собственные руки, — если своей жестокостью, злобой, ложью мы пытаемся построить счастливую жизнь.

Мы молитвенно вспоминаем историю столетия и просим Господа, чтобы по молитвам Его Пречистой Матери, Державный образ Которой был явлен 100 лет назад, и наша страна, и каждый из нас шли вперёд в соответствии с Божиим нравственным законом, чтобы преступления, невинные жертвы, ложь, клевета, обман, доверчивость к злым и лживым словам никогда более не становились движущей силой, меняющей жизнь нашего народа.

Мы будем просить Царицу Небесную о том, чтобы Она приклонила милость ко всем нам, но более всего к молодому поколению. Дай Бог, чтобы никакие обстоятельства не помешали им, как и всем нам, сделать правильные выводы из тяжелейших уроков минувшего столетия.

СЛОВО В ДЕНЬ СТОЛЕТИЯ НАЧАЛА РУССКОЙ СМУТЫ

Вечером того же дня в Сретенском монастыре на паперти нового храма Воскресения Христова и Новомучеников Церкви Русской была совершена литургия Преждеосвященных Даров. Богослужение прошло под открытым небом, у подножия величественного собора. Знаменательно, что храм вознёсся недалеко от места страданий и гибели тысяч христиан — «легендарного» здания на Лубянке. Возглавил службу — наместник монастыря епископ Егорьевский Тихон (Шевкунов).

Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа.

Мы знаем, какой особенный сегодня день. Это день, когда Царица Небесная, подав нам знамение Своей иконой Державной, промыслительно взяла властный скипетр над нашей Отчиной, над Россией, выроненный последним представителем 300-летней династии святым страсто-терпцем Николаем.

Когда мы начинали возводить этот храм, то молились, чтобы Господь благословил

нам подойти к концу этой работы именно к этому дню — столетия начала самых, может быть, трагических событий в истории нашего Отечества.

Храм назван в честь всепобеждающего Воскресения Христова и в честь верных учеников Господа Иисуса Христа, Его святых Новомучеников и Исповедников. Господь исполнил желание

нашего сердца. Сегодня мы осмысливаем путь, пройденный нашей страной, народом, прислушиваемся к урокам, которые должны извлечь, и понимаем главное: всё — только в руках Божиих. Господь низводит во ад и возводит. Это и случилось с нашим Отечеством, низведённым во ад и возведённым вновь к Воскресению Христову, к воскресению жизни о Боге для многих миллионов наших соотечественников.

Сегодня, в этот замечательный вечер Трапезы Господней, будем молиться, чтобы Господь не ввёл нас во искушение, избавил нас от лукавого, сохранил нас малым стадом Своей Церкви. Чтобы в этом прекрасном, всеми нами вымоленном и построенном храме мы ещё много и много лет могли совершать Трапезу Господню.

Помощи вам Божией, укрепления в вере и покрова Царицы Небесной.*

Аминь.

Епископ Егорьевский Тихон (Шевкунов)

* Печатается в сокращении

ОТЕЦ КИРИЛЛ

Ушёл из земной жизни святой архимандрит Кирилл (Павлов).

Понятно, говорить о человеке, который ещё не прославлен Церковью, что он святой, нельзя. Однако это «нельзя» — не в смысле запрета. Запрета тут нет никакого и быть не может. Речь может идти лишь о том, что это несколько преждевременно. Ведь не истекло ещё и сорока дней со дня кончины старца Кирилла.

Что ж, пройдут эти сорок дней. А святость останется. Она только ещё ярче воссияет и разогреет сердца людей, которые знали, помнят отца Кирилла и с радостью, и ликованием, и благодарением примут горячее участие в его прославлении.

Потому что прославить святого на земле — это величайшая милость Божия самим прославляющим, угадавшим и исполнившим Его волю.

Участник Великой Отечественной Войны, защитник Сталинграда, Герой Советского Союза лейтенант Иван Дмитриевич Павлов в 1946 году пришёл поступать в Духовную семинарию. Но его не приняли. Именно из-за его героического прошлого. Тогда, по совету преподобного Сергия, явившемуся ему, Иван Дмитриевич убрал из автобиографии и всех анкет сведения о своём прошлом, дал обет молчания и «умер» для мира. «Умер», чтобы исполнить заповедь Христа: «Если пшеничное зерно, падши в землю, не умрет, то останется одно; а если умрет, то принесет много плода» (Ин. 12:24).

Так родился будущий архимандрит Кирилл (Павлов), духовник Святейшего Патриарха Алексия II, монахов Троице-Сергиевой Лавры и многих тысяч духовных чад со всех концов земли.

Впервые отца Кирилла я увидел в 1990 году.

К этому времени у меня уже созрело твёрдое желание, чтобы моя дальнейшая жизнь была каким-то образом связана с Церковью. Но как? Когда тебе за 50, сказать так прямо даже самому себе: «Хочу стать священнослужителем», мне казалось неслыханной дерзостью.

Уже больше года я ходил в храм Адриана и Натальи, что в Лосинке. Начал ходить вскоре после 1000-летия Крещения Руси. От души, вслед за могучим басом архидьякона Михайла, вместе со всем приходом пел «Символ веры» и «Отче наш».

Однажды на исповеди местный священник отец Николай спросил меня:

— А вы что, благословение имеете такое, что часто причащаетесь?

— Нет... причащаюсь, потому что...

— Вы сами так решили?

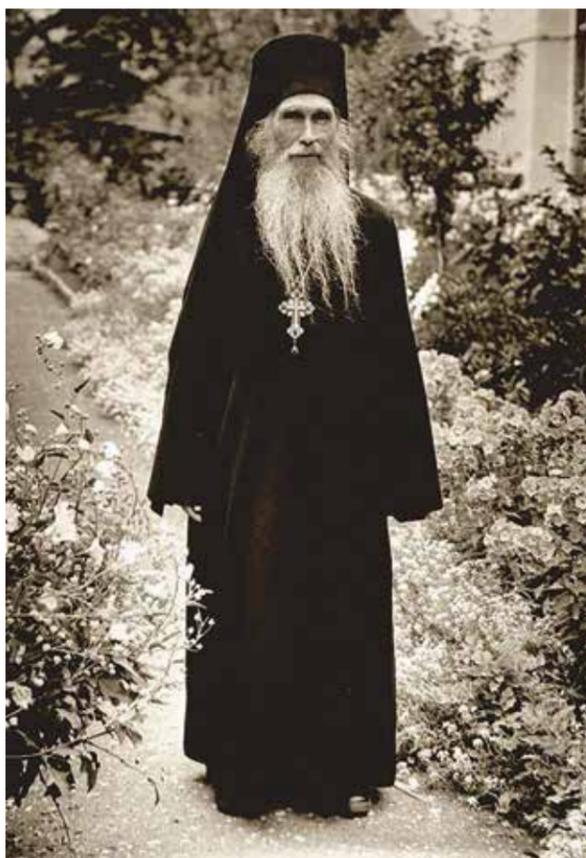
— ... потребность чувствую...

Он поинтересовался, как я готовлюсь, что читаю, и под конец заметил:

— Надо тщательней вычитывать Последование к Причастию и каноны. Тогда и благодать от Причастия будет полнее.

В следующий выходной я доковылял в Последовании на церковно-славянском языке уже чуть ли не до середины, даже глаза стали слипаться, и отправился на исповедь: будь что будет! Вышел отец Николай. Я обмер. Вдруг опять спросит, всё ли я прочёл, разгневется, отгонит?

Не сразу я оценил, до чего же мудрый был этот священник! Узнал, конечно, заблудшую и недостойную овцу. Но не отогнал. Истинно добрый был пастырь.

10 февраля 1990 года, в субботу, мне звонит мой давний знакомый, прихожанин Преображенского храма в Переделкино, как оказалось, помощник настоятеля этого храма, игумена Владимира (Зорина, ныне архимандрита), и, к моей неопишуемой радости, от лица настоятеля приглашает к ним завтра на воскресную литургию.

Сам настоятель храма пожелал со мной познакомиться!

Однако, против моего ожидания, утром на исповедь вышел не настоятель, а другой молодой священник в монашеской одежде.

— Грешен, — сказал я. — Человек я вроде уважаемый, доцент, кандидат наук, преподаватель вуза, всё у меня с виду пристойно. А мечтаю стать священником. На старости лет! — добавил я, чтобы хоть немного иронией смягчить свою дерзость.

А что ещё говорить в незнакомом месте священнику, которого ни ты не знаешь, ни он тебя не знает, с которым ты, может быть, никогда больше и не встретишься? Ясно: надо говорить что-нибудь, конечно же, правдивое, но лёгкое такое, необременительное.

Так осторожно я и заговорил в то памятное утро с Богом через этого иеромонаха с приятным лицом. Разумеется, без всякого ожидания каких-то практических последствий от этого разговора. Потому что так уже было однажды в 1988 году в Загорске, где я на исповеди сказал то же самое, что и сейчас. И в ответ услышал примерно то, что боялся и сегодня услышать — ни к чему не обязывающие общие слова утешения и напутствия.

Но тут вдруг монах встрепенулся:

— А вы об этом говорили с кем-нибудь из старцев?

— ???

Никогда в жизни ещё я не только не разговаривал, но даже в глаза не видел старца!

Отец Агафангел — такое было имя этого иеромонаха — пообещал свести меня в один из ближайших дней, если я ещё приеду, со старцем из Троице-Сергиевой Лавры, который, по счастью, сейчас гостит здесь, в Переделкино, с тем, чтобы я от него получил (или не получил) благословение стать священником.

Я отошёл потрясённый. «Если я приеду»! Да я примчусь! А там пусть — как Бог даст! Но — главное, главное! — уже маленькая победа: ведь выслушал, не затопал на меня, не замахал руками!

После службы отец Владимир пригласил меня к себе в келью. И сразу прилёг, так как был слегка нездоров и покашливал. Когда же при разговоре он в какой-то связи упомянул имя отца Кирилла, у меня невольно вырвалось:

— Отец Кирилл? А мне как раз о нём сегодня сказал отец Агафангел на исповеди!

— Что сказал?

— Что отец Кирилл — прозорливый... старец из Лавры... гостит здесь...

— Да, это очень мудрый старец и очень добрый. Воевал и вот пришёл к Богу...

— Это просто удивительно!

— Что удивительно?

— Отец Агафангел обещал меня с ним познакомить!

И я поведал отцу Владимиру свою мечту о священстве.

Отец Владимир чрезвычайно оживился. Даже привстал, свесив босые ноги на пол. Он весь засветился, так моя мечта пришлась ему по душе:

— Я получаю высшее наслаждение, когда благословляю кого-нибудь на священство, — признался он.

Отец Владимир ещё больше обрадовался, узнав, что мои дети достигли 18 лет.

— Так вы уже свободный человек! — воскликнул он и сразу начал прикидывать вслух, где бы я мог прямо сейчас приступить к практической деятельности. — В Москве священники не нужны, по крайней мере, сейчас. 26 человек стоят в очереди...

Моё робкое возражение, что я, мол, в принципе был бы не прочь какое-то время и переждать, например, год-другой, — не имело успеха.

Между тем отец Владимир продолжал:

— Придётся, видимо, где-то за пределами Московской области. На границе, допустим, с Калужской епархией...

Расстались мы на том, что я приеду сюда в среду вечером, к 17 часам. На всенощную под Сретение. Служить будет сам старец отец Кирилл. И там я ему буду представлен.

Два дня прошли для меня в томительной нерешительности. Оказывается, именно на эту среду, 14 февраля, у нас было назначено заседание кафедры. Оно было запланировано давно, просто я забыл. Теперь же становилось совершенно нереально из «Лоси», через всю столицу, попасть в Переделкино к 17 часам. В лучшем случае, часам к 18, а то и 19-ти.

Во вторник вечером звоню моему знакомому предупредить отца Владимира: я сильно опоздаю.

А тревожные мысли одолевали меня.

Во-первых, я подвожу своих коллег по работе: намереваюсь без предупреждения уйти. Пусть даже не сейчас, а через год-два. Но они-то — ничего о моих планах не знают!!

Конечно, с одной стороны, «свято место пусто не будет». Но на первых-то порах они ой-ой-ой как запричитают — при моей теперешней-то нагрузке! А меня только это и будет мучить: как они расценят мой шаг, и что обо мне подумают.

А во-вторых, — отца Владимира. Вся душа моя буквально трепетала, едва я подумаю о неотвратимо надвигающемся на меня неминуемом позоре. Ну где, в какой там

«Калужской епархии» я сейчас сгложу, ни бум-бум ещё в богослужении, и даже понятия не имея о таинственном мире, до сих пор скрытом от меня Царскими вратами и иконостасом, именуемом АЛТАРНОЙ ЖИЗНЬЮ?!

В среду на кафедре утверждалась моя новая учебная программа по курсу «Теория управления». Над программой я работал целый год. Программу утвердили. Но чувство у меня было такое, будто я одержал Пиррову победу.

Из института я вернулся домой весь разбитый. А надо было, переодевшись, тотчас отправляться в Переделкино.

И вот тут, уже стоя в дверях и готовый выходить, я остановился. Потому что отчетливо услышал голос — вернее, даже не голос, а что-то вроде внушения:

«Никуда не надо ехать». А идти в свой храм Адриана и Наталии. На всеобщую под Сретение.

Вернувшись после службы, узнаю: звонил мой знакомый, спрашивал меня. А чуть позже он и сам перезвонил:

— Где же ты пропал? Мы тебя ждали! Отец Кирилл тоже ждал тебя и благословил заочно. Ты слышишь? Благословение ты уже имеешь! Всё в порядке. Но отец Владимир просит тебя приехать в субботу к 5 часам.

В субботу я приехал, когда служба уже началась. На меня напала вдруг страшная робость, прямо до озноба. Чувствовал, что сегодняшняя вечер будет для меня судьбоносным.

Открылись Царские врата. У южной стены алтаря увидел со спины старца Кирилла. Догадался, что это он. Он молился. Потом увидел отца Владимира.

После помазания отец Владимир подошёл и тихо сказал:

— Стойте, где стоите. Как освобожусь, я к вам выйду.

Лихорадочно в уме, точно вспышка, возникли слова, которые полагалось сказать старцу при встрече. «Это должно быть немногословно. И вместе с тем ёмко. Чтобы вместить всё. Кратко и исчерпывающе. Скромно и с достоинством. Но что именно?..»

Отец Владимир вышел неожиданно и сказал:

— Пойдёмте. — И, видимо, угадав моё смятение, помедлил и, наклонившись, тихо прибавил: — Как войдёте, сразу сделайте три поясных поклона.

И пошёл впереди.

Старец Кирилл поднял на меня глаза.

— О, какой благообразный... представительный... — медленно проговорил он, приветливо улыбаясь. — Прямо протоиерей... нет, архимандрит!

Я подошёл под благословение.

Отец Владимир стоял рядом с отцом Кириллом, чуть сзади, и тоже улыбался.

— Ну, что ж, — продолжил старец, — послушайте. — И устало кивнул мне.

Наступило короткое общее молчание, которое нарушил отец Владимир:

— Ну, вот, — как бы подытожил он первый момент встречи, обратившись ко мне. — Отец Кирилл благословляет Вас. **Без всякого разговора.**

И замолчал. Похоже, он и сам был несколько обескуражен таким обстоятельством, что «без всякого разговора».

Но тут снова заговорил старец Кирилл и разрядил затянувшуюся неловкость. Он повёл разговор о духовной литературе, которую мне надлежало уже в ближайшее время найти, раздобыть, изучить.

— Ох, есть один проповедник — архиепископ... он в Америке служил, —

проговорил отец Кирилл. — Иоанн... — он умолк, припоминая фамилию... — Шаховский! — обрадовано воскликнул тут же и через плечо посмотрел на отца Владимира... — Ох, сильный проповедник! Очень сильный!

Впервые в жизни стоял я в алтаре храма. Так и не проронив ни слова. И, не вполне веря ещё собственным ушам, слушал разговор двух батюшек, напрямую касавшийся моей будущей жизни. Мог ли я даже во сне когда-нибудь представить себе такое!

— Сан-Францисский — его псевдоним, вспомнил! — оживился снова отец Кирилл, поглядев на нас по очереди, и повторил задумчиво: — Очень сильные проповеди у него.

Отныне «моим храмом», по благословению отца Владимира, стал вот этот Преображенский храм в Переделкино.

Отец Владимир вручил мне новенький «Службеник» со словами:

— Изучите, обращая особое внимание на возгласы, которые подаёт священник на богослужении.

Этим Службеником я благоговейно пользуюсь по сей день. А тогда буквально «проглотил» его за два вечера — от корки до корки. И тяжёлые предчувствия зашевелились в душе: будто плыву я в утлой лодочке по убыстряющемуся потоку, который, видно совсем близко уже, на горизонте, заканчивается страшным водопадом. А там — конец.

Вокруг меня велись приготовления. Это уже видно было даже невооружённым глазом. На всеобщую к нам в алтарь часто приходил епископ Арсений (ныне митрополит), у которого, как и у Патриарха, в Переделкино находилась резиденция. Владыка Арсений был ласков со мной. Как-то у него с отцом Владимиром состоялась беседа. Разумеется, я не вслушивался. Но алтарь крошечный, и хотя разговор у них был летучий, с недомолвками, я догадывался: речь шла обо мне. Где-то на границе Московской области, по дороге в Калугу, в монастыре появилась вакансия священника.

Ужас охватил меня. Что происходит? Они что, не видят?! Да у меня опыт церковной жизни даже не алтарника, а просто прихожанина, — почти нулевой! И вдруг я — священник!

Дождавшись, когда к концу всеобщей, на первом часе, владыка Арсений уйдёт, набравшись храбрости, я наклонился к отцу Владимиру, к самому уху:

— Батюшка! У меня огромная просьба: хочу как можно дольше быть здесь, в этом храме, с вами рядом — в любом качестве, как вы сочтёте нужным!

Будто целая гора у меня спала с плеч.

Отец Владимир молча выслушал, подождя, что ещё, может, добавлю. И кивнул головой.

Долго я выходил из этого моего «нулевого опыта». Почти пять лет.

Но это — уже совсем другая тема.

Главное — отец Кирилл. Он всё видел. Никогда я ему не жаловался, и он никогда не жалел меня. Да и с какой стати? Всем трудно.

Но до чего ж удивительное это море — духовная жизнь! Все мы плывём, барахтаемся, хлебаем, как в настоящем водовороте, цепляемся друг за друга... Ведь всё бывает в невидимом духовном мире.

Однако есть и невидимая твердь таинственная. Она, то появляется будто ниоткуда, то погружается, и кажется, нет её, и ты опять, как в пустоте, барахтаешься, пока чудесным образом вновь не ощутишь твердь.

Твердью, как это мне открылось много лет спустя, когда служил уже священником

в других московских храмах, была молитва отца Кирилла.

В бытность дьяконом, со многими «ушибами», «ожогами», «язвами», — вполне заслуженными! — иду однажды в сумерках по снежной тропинке, глядя под ноги. И вдруг, подняв взгляд, вдалеке между постройками вижу: тропинку торопливо пересекает фигурка монашеская, поклонилась в мою сторону по-ясно, засемила дальше. И скрылась.

«Так это ж был отец Кирилл!» — дошло вдруг. Бегу, догоняю уже в притворе храма.

— Отец Кирилл, ведь это вы прошли только что...поклонились, а я прозевал...

— Ничего, — смеётся он. Добро так смеётся. — Мы все тут кривыми дорожками ходим.

Ком встал в горле. И уже не чувствуешь ни ушибов, ни ожогов, ни язв. Он всё видит, оказывается. И врачует невидимо.

В конце января 1994 года у нас на Преображенском подворье появился новенький иеромонах Евграф Крюков (за фамилию не ручаюсь, но имя точно запомнил). Очень славный священник.

— Вы знаете, — говорю ему, — у меня есть мечта. Только боюсь её вслух высказать кому-нибудь. Засмеют.

В алтаре стоим перед всеобщей.

— А что такое?

— Хочу храм построить.

— Ну, и что?

— Да как — «что»? Нищий дьякон — и вдруг храм. Курам на смех!

— А вы благословение возьмите. Не брали? Возьмите благословение!

И кивает на отца Кирилла, который стоит у жертвенника, погружён в молитву. Просфоры вынимает. Перед ним — гора просфор с записками.

— Что, прямо сейчас?

— Прямо сейчас!

Подхожу осторожно. Справа останавливаюсь. Жду, когда обратит внимание.

— Отец Кирилл, благословите храм построить.

Медленно поворачивает голову, смотрит:

— А кто строить будет? Люди есть?

— Бог пошлёт.

— Гм. — Вынул просфору, другую. Снова поворачивается. — А деньги, на что строить, есть?

— Бог пошлёт.

— Гм. — Вынул ещё просфору. Помедлил и вдруг перед собой рукой с копием точно рассек пространство: — Ну, строй тогда!

— Ну, что? — участливо обратился отец Евграф, когда я, обогнув горнее место, вернулся к нему. — Благословил?

— Ой, я даже не понял. Вроде благословил... — И передаю разговор.

— Конечно, благословил! Поздравляю!

Теперь-то я уже и сам понимаю, что благословил. Иначе ведь и быть не могло. Чудо-то совершилось! Храм стоит. А всякое чудо разве может произойти само по себе?

Хотя до исполнения этого чуда должно было произойти ещё очень много подготовительных ступеней-событий, чтобы они все согласнo улеглись в основание нынешнего нашего храма.

До сих пор и, наверно, уже навсегда у меня перед глазами стоит вдалеке хрупкая фигурка монаха в зимней рясе, застывшая на снегу в поясном поклоне, а от неё волнами, набегая одна на другую, ввысь поднимаются, точно радуга, бесконечные золотые круги и растворяются в небе.

*Настоятель храма
протоиерей Борис Куликовский*

О СТРАХЕ БОЖИЕМ

Человек, принявший на себя проходить путь внутреннего внимания, прежде всего должен иметь страх Божий, который есть начало премудрости. В уме его всегда должны быть впечатлены сии пророческие слова: работайте Господеви со страхом и радуйтесь Ему с трепетом (Пс. 2, 11).

Он должен проходить путь сей с крайнею осторожностью и благоговением ко всему священному, а не небрежно. В противном случае опасаться должно, чтоб не отнеслось к нему сие Божие определение: проклят человек, творяй дело Господне с небрежением (Иер. 48, 10). Благоговейная осторожность здесь нужна для того, что Сие море, то есть сердце с своими помыслами и желаниями, которое должно очистить посредством внимания, велико и пространно, тамо гади, имже несть числа, то есть многие помыслы суетные, неправые и нечистые, порождения злых духов. Бойся Бога, говорит Премудрый, и заповеди Его храни (Еккл. 12, 13). А соблюдая заповеди, ты будешь силен во всяком деле, и дело твоё всегда будет хорошо. Ибо боясь Бога, ты из любви к нему всё делать будешь хорошо. А диавола не бойся; кто боится Бога, тот одолеет диавола: для того диавол бессилен. Два вида страха: если не хочешь делать зла, то бойся Господа и не делай; а если хочешь делать добро, то бойся Господа и делай. Но никто не может стяжать страха Божия, доколе не освободиться от всех забот житейских. Когда ум будет беспечителен, тогда движет его страх Божий и влечёт к любви благости Божией.

Преподобный Серафим Саровский

Как невозможно переплыть большое море без корабля и ладьи, так никто не может без страха достигнуть любви. Смердящее море между нами и мысленным раем можем переплыть только на ладье покаяния, на которой есть гребцы страха. Но если эти гребцы страха не правят кораблём покаяния, на котором по морю мира сего переходим Богу, то утопаем в этом смердящем море. Покаяние есть наш корабль, а страх — его кормчий, любовь же — божественная пристань. Поэтому страх вводит нас на корабль покаяния, перевозит нас по смердящему морю жизни и путеводствует к божественной пристани, которая есть любовь. И когда достигнем любви, тогда достигли мы Бога, и путь наш свершён, и пришли мы к острову тамошнего мира, где Отец, Сын и Дух Святой.

Преподобный Исаак Сирий

Страх Божий — главное. Когда он приходит, то добрый хозяин всё по-своему устроит в душе. Есть он у вас? Если есть, благодарите Бога и храните его, а если нет, разбудите его: ибо он в духе нашем содержится, и если не проявляется, то по нашему невниманию. От страха Божия — дух сокрушен, сердце сокрушено и смиренно. Чувство сокрушения да не отходит от сердца! Для поддержания страха Божия надо держать неотходную память о смерти и Суде. Как только проснётесь, так призывайте сию память и весь день будьте в содружестве с нею, как первую советницу свою. К сему присоедините сознание присутствия Господа близ

вас и в вас, так что Он всё видит и самое сокровенное. Сие сознание — с памятью смертною — неразлучным имеют страх Божий. Когда сия троица поселится в сердце вашем, тогда пойдёт у вас молитва из сердца, с непрестанными взываниями к Господу Спасителю. Вот всё! Если это есть в вас в какой-либо степени, то дело спасения вашего в ходу, а если нет, надо всё поднять в сердце. Ибо если сего нет, всё другое ничто...

Святитель Феофан Затворник

Благоговейный страх Божий внушает нам, что Бог везде присутствует, всё слышит, всё видит, не только дела и слова, но и всё происходящее в сердце и в глубине души. Ведь перед большим начальником мы ведём себя благочинно, почему же мы смеёмся, крадём, гневимся, зная, что стоим пред Богом.

Святитель Иоанн Златоуст

Свет, войдя в тёмный дом, изгоняет из него тьму и освещает его. Так страх Господень, войдя в сердце человеческое, разгоняет мрак его, наполняет его всеми добродетелями и премудростью.

Преподобный Антоний Великий

Блажен тот человек, который имеет в себе страх Божий. Он явно ублажается и Святым Духом. Блажен муж, боясь Господа (Пс. 111, 1). Кто боится Господа, тот, подлинно, вне всякого вражеского ухищрения и избежал всех козней врага. В ком есть страх Божий, тот удобно спасается от умыслов злокозненного врага. Враг ни в чём не уловляет его, потому что он из страха не допускает до себя плотских удовольствий. Кто боится, тот не парит умом туда и сюда; потому что ждёт своего Владыку, да не придет внезапно и обрящет его ленивым, и растешет его полма (Мк. 13, 36; Мф. 24, 51). В ком есть страх Божий, тот не бывает беспечен, потому что всегда трезвится. Кто боится, тот не предается сну без меры, потому что бодрствует и ждёт пришествия Господа своего. Кто боится, тот не остается равнодушным, чтобы не раздражить своего Владыку. Кто боится, тот не ленится, потому что всегда радеет о достоянии, опасаясь подпасть осуждению. Кто боится, тот всегда предпочитает угодное Господу его и приуготовляет это, чтобы Господь, пришедши, похвалил его за многое. Так страх Господень для приобретших оный делается причиною многих благ!

Страх Господень — источник жизни. Страх Господень — твердыня души. Страх Господень приводит в порядок духовную мысль... Никто из людей так не высок, как боящийся Господа. Кто боится Господа, тот подобен свету, указывающему многим путь спасения. Кто боится Господа, тот подобен укрепленному граду, стоящему на горе; и пред лицом его трепещут лукавые бесы.

Преподобный Ефрем Сирий

Страх — начало любви, и потом всё в неё переходит. Страх Божий, собственно, не боязнь Бога, а боязнь отпасть от Бога и впасть в грехи и страсти.

Святой Климент Александрийский

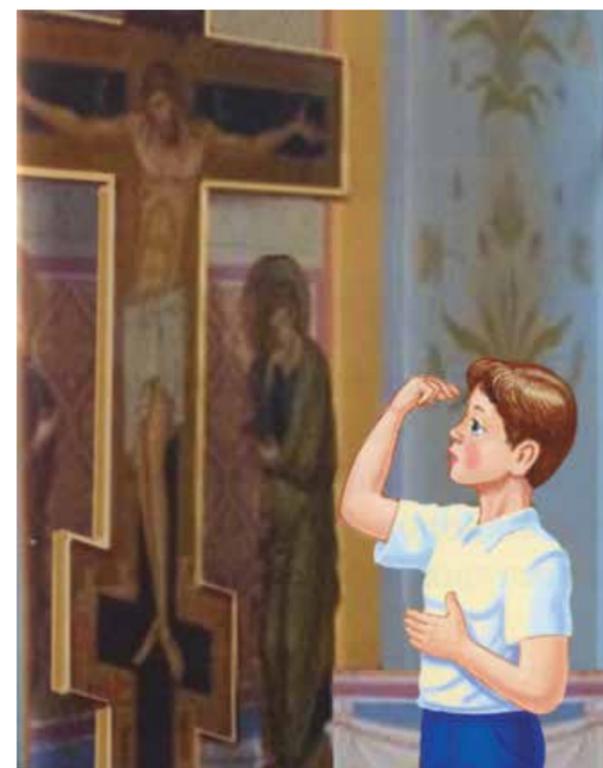
У Распятия

А Саня сегодня мамину вазу разбил совершенно нечаянно. Но его не стали шлёпать, как сделали в прошлый раз за папину любимую настольную лампу. А когда пришли в храм, то Санин дедушка указал внуку на святое Распятие и сказал:

— Подойди, перекрестись хорошенько да поклонись низко — и проси, чтобы тебя Господь наш вразумил, чтоб ты больше не бедокурил...

Подошёл Саня, перекрестился хорошенько, поклонился низко, хотел попросить, а слова вымолвить не может... Постоял он, глядя в самый Лик Спасителя, постоял, замерев, будто солдат на часах. Да вдруг повернулся и к деду пошёл, а сам весь в слезах.

— Что ж ты? Попросил?

Саня всхлипывает:

— Не-ет. Потому что как же я просить буду, когда Ему и так больно? Вон и кровь...

И зарыдал в голос, так что люди обернулись на него сердито.

А дедушка так удивился его необыкновенным словам, что теперь и сам слова вымолвить не смог, только наклонился к внуку и его тёплую голову поцеловал.

С той поры Саня ни одной полезной вещи не разбил. Как расшалится, вот-вот что-нибудь натворит безобразное, — тут и вспомнится ему Святой Лик страдающий. И тогда успокоится Санечка в светлой, внимательной задумчивости...

*Из книги Станислава Брейера
«Сто добрых дел»*

Главный редактор: настоятель
Богородицерождественского храма
протоиерей Борис Куликовский

Ответственный редактор:
Светлана Попова

Дизайн, вёрстка: Александр Опалев

Адрес редакции: 141080, г. Королёв,
Московская область, ул. Калининградская, д. 1.
Тел.: (498) 602-91-80. www.hramvkostino.ru

Подписано в печать: 22.03.2017

Отпечатано в ООО «Витапресс Графика».
141070 г. Королёв, ул. Пионерская, д. 2.
Заказ №4367 от 17.03.17. Тираж 300 экз.
Объём 1 п.л. Печать офсетная.

Банковские реквизиты храма:

Получатель: Богородицерождественский храм
ИНН 5018023872 КПП 501801001
ОСБ 2570 г. Королёв
Банк получателя:
Сбербанк России г. Москва
р/с 40703810240170100159
к/с 30101810400000000225
БИК 044525225

Газета издаётся
с ноября 2008 г.

Не используйте это издание в бытовых целях и не выбрасывайте его.

Если этот номер вам стал не нужен, подарите его или принесите в храм.